

III. Страницы новейшей истории

Леонид Люкс

«Один человек – против всей страны»: к 80-летию сталинско-го Большого террора^{*}

Расправа Сталина с большевистской элитой внешне напоминает события, происходившие во Франции во времена якобинского террора. Однако во Франции через два года после начала террора, 9-го термидора 1794 г., якобинской правящей прослойке удалось положить конец террористическому правлению Робеспьера. В СССР же «термидор» – расплата с тираном – наступил значительно позже, на XX съезде КПСС в феврале 1956 года, через три года после смерти тирана.

Экспроприация «мелких сельских собственников»

Об Иосифе Сталине можно сказать, что он не только продолжил, но и углубил русскую революцию. Лев Троцкий назвал его «термидорианцем»¹. В этом отношении он неверно обозначил характер сталинской системы. При сталинизме – в противоположность «Термидору» – речь ни в коем случае не шла о попытках завершения доктринально-террористической фазы революции. Напротив, Stalin как раз довел эту линию развития русской революции до ее апогея.

Советолог Исаак Дейчер, разделяющий по существу взгляды Троцкого на «термидорианский» характер сталинского режима, выдвигает, однако, тезис, более точно определяющий суть сталинской эпохи. Stalinский переворот был, по его мнению, еще более глубоким, чем октябрьский переворот 1917 года. Именно Stalin создал в Советском Союзе ситуацию, из которой возвращение к предреволюционным условиям стало невозможным². И действительно, Stalinской ре-

* Расширенная версия статьи, опубликованной 8-го февраля 2017 г. на немецком языке в интернет-журнале *Die Kolumnisten*. См. также: Luks L. Die «Logik» des Stalinismus // Russland: Kontinuität, Konflikt und Wandel / Ed. R.C. Meier-Walser Reinhard, B. Rill. München, 2002. P. 156-165.

¹ См.: Trotzki L. Schriften 1: Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur. Vol. 1.1 (1929-1936) / Ed. V.H. Dahmer, R. Segall, R. Torsstorff. Frankfurt/M., 1988. P. 47-49, 581-583.

² Deutscher I. Russia after Stalin. With a Postscript on the Beria Affair. L., 1953. P. 97-98.

волюции сверху, начавшейся в 1929 году, удалось в самом широком масштабе подогнать российскую действительность под большевистскую доктрину. Теперь было достигнуто то, чего без успеха добивался Ленин в первые годы после большевистского захвата власти (прежде всего в период «военного коммунизма» 1918-1921 гг.). Только Сталину удалось осуществить основной постулат марксизма – ликвидацию частной собственности³. В июле 1932 г., к моменту, когда экспроприация собственности у более чем 100 миллионов крестьян была почти достигнута, Stalin писал своим соратникам, Молотову и Кагановичу: «Капитализм не мог бы разбить феодализм, он не развивался бы и не окреп, если бы не объявил принцип *частной* собственности основой капиталистического общества ... Социализм не может добить и похоронить капиталистические элементы ..., если он не объявит *общественную* собственность... священной и неприкосновенной»⁴.

Нерешенный аграрный вопрос был из поколения в поколение одной из самых взрывоопасных проблем России. Лишь сталинскому руководству удалось смирить крестьянство, сломать его – и именно тем, что оно устранило крестьянство как таковое посредством его почти полной экспроприации. Частная собственность и свободный рынок – главные объекты ненависти ортодоксальных марксистов – были теперь вследствие сталинской революции сверху повсеместно отменены. Теперь режим мог непосредственно контролировать и управлять общим хозяйственным потенциалом страны, всеми ее материальными и человеческими ресурсами. Это было важнейшим результатом колLECTIVизации сельского хозяйства, а не повышение урожаев, что ожидалось прежде всего. Только теперь поборники централизованного планового хозяйства в стране могли приступить к действиям. Теперь был положен конец предельно сложному существованию государственного и частного секторов хозяйства, что было причиной чрезвычайно многих напряженностей и конфликтов. Свободная игра экономических сил, которая была в глазах правоверных марксистов воплощением хаоса, была заменена государственным регулированием.

Порабощение правящей партии

Однако сталинской революции сверху удалось не только положить конец хозяйственной, но также и политической спонтанности, и именно посредством дисциплинирования партии, которая со времени большевистской революции представляла собой единственный политический субъект в стране. О дисциплинировании партии мечтал еще Ленин. В своей программной работе *Что делать?* (1902 г.) он

³ См.: Marx K., Engels F. Werke. Vols. 1-39. Berlin, 1959... Vol. 4. P. 475.

⁴ Stalin и Каганович: переписка 1931-1936 гг. М., 2001. С. 240-241.

представил проект концепции строго дисциплинированной организации профессиональных революционеров, «партии нового типа». Эта партия должна была в первую очередь действовать, а не вечно дискутировать по различным основоположениям. В 1904 году Ленин пояснял, что социал-демократическая партия не есть семинар, на котором дебатируются разные новые идеи. Это боевая организация с определенной программой и четкой иерархией идей. Вступление в эту организацию влечет за собой безусловное признание этих идей⁵.

Этот постулат Ленин никогда не мог осуществить. Большевики оставались дискутирующей партией. Провозглашенный на 10 партийном съезде большевиков в 1921 году запрет фракций помог мало. Также и после 1921 года на протяжении ряда лет партию сотрясали внутренние полемические раздоры еще более значительного масштаба, нежели до прокламирования фракционного запрета.

Лишь сталинская революция сверху изменила характер партии. Тип большевика меняется, писал в 1932 г. эмигрантский историк Георгий Федотов. Безусловное проведение «генеральной линии» стало для партийного руководства теперь гораздо важнее добровольного признания большевистских идей. Партийная дисциплина ценится выше, чем революционный идеализм⁶.

ВКП(б) перестала быть конгломератом различных течений и фракций. Теперь уже не были возможны открытые дискуссии и открытая критика генеральной линии руководства, которые прежде – вопреки всем запретам и дисциплинирующим мероприятиям – не были изгнаны из партии. За этим ослаблением, или скорее, самоослаблением партии последовало – в 1936-1938 гг., во время так называемого Большого террора – ее обезглавливание. В середине 30-х гг., после успешно завершенной коллективизации сельского хозяйства, большевистская партия вела себя как всемогущий демиург, которому по силам в кратчайшие сроки сотворить новый мир и нового человека. Но в унифицированном обществе сознающая себя подобным образом партия представляла инородное тело. Несколько годами позднее это инородное тело было интегрировано в общий социальный организм. Мнимый демиург был низведен до положения послушного инструмента в руках вождя.

Сталинский функционализм

Подобные процессы происходили также и в области культуры. Искусство, также как гуманитарные и социальные науки, и даже некоторые естественнонаучные школы служили с самого начала сталинской революции сверху в первую очередь одной цели – прославлению Сталина и созданной им системы. Парадоксально,

⁵ Валентинов (Вольский) Н. Встречи с Лениным. N.Y., 1972. С. 252-254.

⁶ Федотов Г. Правда побежденных // Современные записки. 1932. № 51. С. 381-382.

что литературные и художественные школы, которые стилизировали тогдашнее господство страха и террора под земной рай, именовались не «сталинским фикционализмом», а «социалистическим реализмом». Это направление в литературе, предписанное на первом съезде советских писателей в 1934 г. и нашедшее свое отражение в изобразительном искусстве, также как и в других областях искусства, представляло собой эквивалент генеральной линии партии. Отклонения от нее строго карались, нередко они стоили жизни. Художественная и литературная дискуссия, которая в известной мере соответствовала внутрипартийным дискуссиям 20-х гг., была задушена партийным руководством. Художественный и литературный авангард, который господствовал на культурной сцене в 20-е гг., должен был уступить место так называемому реализму. Авантюризм с его жаждой эксперимента и лихорадочными поисками новых форм выражения не мог прийти к соглашению с правящими структурами тоталитарного государства. Типичное для сталинизма стремление к огосударствлению общества, экономики и партии распространилось и на культуру. Так сталинский режим смог достичь того, к чему прежде безуспешно стремились и царское самодержавие, и позже ленинское руководство – принудить к конформизму подавляющее большинство образованных людей и кроме того привлечь их к созданию фиктивного мира, в котором реальное положение вещей было буквально поставлено на голову.

Фикционистские элементы содержались и в период ленинской фазы развития большевизма. Пример подобной фикции представляет собой советская конституция – июль 1918 г. – в которой Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов, безвольный инструмент в руках большевистской партии, характеризовался как «высший законодательный, исполнительный и контролирующий орган» государства⁷. Но поскольку партия до конца 20-х гг. сохраняла свой дискутирующий характер, было невозможно достичь единодушия при переименовании «черного» в «белое» и наоборот. Только при Сталине провозглашенная сверху фикция была безоговорочно заявлена действительностью и объявлен преступным так называемый «буржуазный объективизм», называющий действительность своим именем. Ленинский утопизм, который мечтал о «светлом будущем», был теперь замещен фикцией уже построенного рая на земле.

Правда, к сущности сталинизма принадлежал не только безграничный оптимизм, но столь же безграничный пессимизм, страх потерять достигнутое. Так как победа социализма во всемирном масштабе еще не была достигнута, так как «рай трудящихся» был окружен мрачными капиталистическими силами, которые стремились к его уничтожению, советские граждане должны были непрерывно готовиться к последнему бою с классовым врагом.

Но и в самом рае трудящихся еще оставались классовые враги, которые после своего поражения не полностью с этим смирились. Поэтому большевиков, пола-

⁷ См.: Die Sowjetunion von der Oktoberrevolution bis zu Stalins Tod. Vol. 1: Staat und Partei / Ed. H. Altrichter. München, 1986. P. 149.

гающих, что классовая борьба должна стихать ввиду успешно закончившегося социалистического наступления, Сталин охарактеризовал как «перерожденцев, ... двурушников, которых надо гнать вон из партии». «Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления», – заявил Сталин в январе 1933 года, само по себе абсурдное, но типичное для «сталинской логики» положение⁸. Годом позднее, на 17 партийном съезде большевиков, Сталин обвинил некоторых коммунистов в «ошибочном самосознании», в пережитках оппозиционного, «антиленинского» мышления.

Как пример путаницы в головах иных коммунистов Сталин назвал тезис о спонтанном врастании Советского Союза в бесклассовое общество: «Они приходят в телячий восторг в ожидании того, что скоро не будет никаких классов – значит не будет классовой борьбы, значит не будет забот и треволнений, значит можно сложить оружие и пойти на боковую, спать в ожидании пришествия бесклассового общества»⁹. Сначала было не совсем ясно, какими средствами Сталин хотел побороть «ошибочное сознание» многих коммунистов. Только в 1936 году этот вопрос постепенно прояснился – преодоление «ошибочного сознания» было достигнуто по сути устраниением очень многих его носителей.

Большой террор и показательные процессы

Ко времени большого террора сталинский режим достиг вершины своей иррациональности. Властвующая клика вела тогда тщательно спланированную и последовательно осуществляющую войну на уничтожение, направленную против советской руководящей элиты – в своей основе важнейшую, если не единственную опору системы. Какую внутреннюю логику имели эти действия? Многие наблюдатели полагают, что Сталин хотел с помощью большого террора избавиться от своих внутрипартийных противников, которые ставили под вопрос его авторитет, то есть непогрешимость. В этой связи они указывают на московские показательные процессы 1936-1938 гг., которые были направлены в первую очередь против выдающихся представителей старой большевистской гвардии и прежних критиков Сталина. Но в действительности сведение счетов с бывшими левыми и правыми критиками Сталина представляло собой второстепенный аспект большого террора. Потому что сталинская команда планировала тогда операцию совершенно иного, в своей основе беспримерного масштаба, где она рисковала всем. Сущностью второй, начавшейся в 1936 году сталинской революции сверху являлось не устранение партийных оппозиционеров, которые к концу 20-х годов

⁸ Сталин И.В. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б), 7-12 января 1933 // он же. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 210-211.

⁹ Он же. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) // он же. Сочинения. Т. 13. С. 350-351.

были уже политически бессильны, а обезглавливание властвующей элиты. Рядовые члены партии и «беспартийные большевики» – простые советские люди – были призваны критиковать и доносить на высокомерных партийных функционеров. Подобные «бесстрашные маленькие люди» – доносчики – теперь почитались как герои. Как заявил Сталин на Пленуме ЦК в феврале-марте 1937 года, не должно быть более никаких недосягаемых авторитетов: «Мы, руководители не должны зазнаваться, но должны думать, что если мы являемся членами ЦК или наркомами, то это еще не значит, что мы обладаем всеми необходимыми знаниями, для того, чтобы правильно руководить. Чин сам по себе не дает знаний и опыта. Звание – тем более»¹⁰.

Этот псевдо-демократический девиз был в действительности боевым кличем. Он должен был привести к кровавому походу Сталина не только против своих противников, но также и против его соратников, убежденных сталинистов, которые занимали ключевые позиции в партийном, государственном, хозяйственном и военном аппарате. К сущности сталинской системы относилось то, что ее творец не доверял не только контролируемым – подчиненному ему обществу – но и контролирующем – всемогущему партийному и государственному аппарату. Именно отсюда и его беспощадный террор против коммунистической элиты. Кажется, Сталин считал свой режим лишь тогда стабильным и прочным, когда никто в сфере его власти, включая его ближайших соратников, не чувствовал себя уверенным.

Обезглавливание руководящей сталинской элиты проходило по другому сценарию, нежели расчеты Сталина с прежними партийными оппозиционерами, более тайно, не на глазах мировой общественности. Какой же смысл имели тогда показательные процессы 1936-1938 годов? Должны ли они были просто отвлекать внимание мирового общественного мнения и переводить его на второстепенные события большого террора? Вряд ли. Показательные процессы с их абсурдными обвинениями и не менее абсурдными признаниями обвиняемых все же выполняли в фантасмагорическом на первый взгляд сталинском мире некую определенную функцию. А именно, они должны были доказывать, что ближайшее окружение Ленина состояло почти без исключения из изменников и заговорщиков, покушавшихся на его жизнь, которым противостоял светлый образ – Сталин, разоблачавший и соответственно каравший всех этих врагов, которые скрывались под маской друзей.

Итак, к главной установке сталинского мира принадлежало то, что нельзя было доверять никакой видимости. Всякий гражданин, также как и виднейший функционер в партийном, государственном или военном аппарате мог в действительности быть врагом. Едительность составляла, таким образом, главнейшую добродетель советского гражданина. Но горе тому, кто доносил на функционера, который на взгляд руководства еще не стоял на очереди, еще не был включен в

¹⁰ Он же. Сочинения. Т. 14. М., 1967.

категорию врагов. Так же плохо, если не хуже было не донести вовремя на функционера, который должен был – по непостижимым для подавляющего большинства советских граждан причинам – принять на себя роль врага. В этой связи понятие «роль» имеет исключительное значение. Московские показательные процессы были просто разыгрываемыми представлениями, они осуществлялись по тщательно разработанным сценариям, которые корректировались лично Сталиным. Спонтанность какого-либо рода была из них исключена. В действительности эти спектакли служили лишь одной цели – прославлению Сталина. Не только обвинители, но и обвиняемые должны были в этом участвовать. Один из ближайших соратников Ленина, Каменев, сказал в своем последнем слове на процессе в августе 1936 года, что вне зависимости от того, каково будет решение его участия, он заранее рассматривает его как верное. Надо шагать вперед, а не смотреть назад, и вместе с советским народом следовать за Сталиным!¹¹ А Николай Бухарин добавил в марте 1938 года: «Мы выступили против радости новой жизни с самыми преступными методами борьбы ... Мои контрреволюционные сообщники и я во главе их пытались убить дело Ленина, продолжаемое Сталиным с гигантским успехом»¹².

Московские показательные процессы давали знать мировой общественности: даже наихудшие противники советского государства должны были в конце концов признать, что в отношении Сталина речь идет о гениальнейшем после Ленина государственном вожде всех времен. Таким образом основатели советского государства, лишившиеся власти уже к концу 20-х годов, сослужили перед своей смертью последнюю службу сталинской тирании и внесли свой вклад в ее укрепление.

Динамика террора

Большой террор затронул не только правящую элиту. Еще сильнее он коснулся широких слоев населения, что было в недостаточной мере оценено мировой общественностью, пристально следившей за показательными процессами в Москве. В начале 60-х годов специально созданная по поручению руководства КПСС комиссия расследовала сталинские преступления, совершенные в 1934-1938 годах. Ее отчет, подготовленный в 1963 году, был опубликован только несколько лет после распада Советского Союза. В 1937-1938 годах, говорилось в этом отчете, 1 372 392 человек были арестованы, 682 692 из них были казнены.

¹¹ См.: Conquest R. Am Anfang starb Genosse Kirow: Säuberungen unter Stalin. Düsseldorf, 1970. P. 145.

¹² См.: http://www.trad.nsk.ru/history/Russia/USSR/1936-1941/buh-tro/vec_12-3-38.html. См. также: Der Sowjetkommunismus: Dokumente. Vol. 1 / Ed. H.-J. Lieber, K.-H. Ruffmann. Köln, Berlin, 1963. P. 381-383.

Число членов партии или кандидатов в члены партии, ставших жертвой репрессий, составило 116 885 человек¹³. Подавляющее большинство жертв террора не имели к партии прямого отношения. В первую очередь это были бывшие «кулаки», которые уже к началу 1930-х годов были лишены собственности, депортированы и большей частью репрессированы. Следующую большую группу жертв Большого террора составляли представители так называемых «враждебных национальностей». Это были выходцы из стран, проводящих враждебную политику по отношению к СССР, или их потомки: поляки, финны, народы Прибалтики и др.¹⁴

В апреле 1938 г. – непосредственно после третьего московского показательного процесса – Георгий Федотов писал: «Сталин ведет войну со всей Россией. Если, конечно, можно назвать войной одностороннее избиение безответных и безоружных пленников … Один человек – против всей страны. Никогда еще ситуация в России не была столь отчаянно определенной»¹⁵ (Федотов отождествляет здесь Советский Союз с Россией – Л.Л.).

Учитывая вышесказанное трудно поверить, что половина опрошенных россиян в сегодняшней России одобряет деятельность Сталина¹⁶. При этом нельзя забывать, что среди сегодняшних поклонников Сталина немало прямых потомков жертв тирана. Как не вспомнить при этом одну из строк знаменитого стихотворения Федора Тютчева: «Умом Россию не понять…»

Смена парадигм

К концу 1938 года террор был немного смягчен. Был сломан хребет последней «непокорной» и остававшейся относительно автономной части советского общества – партии. Теперь вся советская империя состояла только из «колесиков» тоталитарного механизма. Это был вероятно крупнейший перелом в истории страны, чье стремление к свободе не смогли задушить ни царское самодержавие, ни Ленин. Stalin насмехался над Иваном Грозным, которому не удалось полностью ликвидировать могущественное в его время сословие – бояр. На его пути стояла его религиозность, у него было слишком много угрызений совести. Вопреки этому пренебрежительному замечанию Stalin рассматривал себя как продолжателя и исполнителя дела Ивана, – но также и Ленина. Вновь и вновь он подчеркивал, что русские цари и Ленин не могли даже мечтать об успехах, которых достиг Со-

¹³ Массовые репрессии оправданы быть не могут // Источник. 1995. № 1. С. 120.

¹⁴ Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953-февраль 1956. М., 2000. С. 322.

¹⁵ Федотов Г. Защита России: статьи 1936-1949 из «Новой России». Париж, 1988. С. 190-191.

¹⁶ Мироненко С. Пришло ли время для новой десталинизации // Московский Центр Карнеги. 8 октября 2015. <http://carnegie.ru/2015/10/08/ru-61539/iios>.

ветский Союз под его, Сталина, руководством. Итак, он считал себя и величайшим русским самодержцем, и величайшим революционером всех времен. Также и советская пропаганда непрерывно превозносила оба эти аспекта сталинского «гения». Так в сталинскую эпоху осуществлялась смена парадигм политической культуры советского государства. Интернационализм во все большем масштабе замещался русоцентризмом и шовинизмом. Революционный разрыв 1917 года казался преодоленным, непрерывность истории – вновь восстановленной. Теперь в России произошла своего рода реставрация. Однако прославление всего русского всегда осуществлялось сталинистами с некоторым «но». Дело никогда не доходило до полного слияния с русским национализмом, интернационально-революционный компонент никогда не был полностью изгнан из сталинизма. Он был просто лишен своего прежнего центрального значения и отодвинут на идеологическую периферию. Но он никоим образом не перестал определять лицо сталинизма. И эта двуликость, это колебание между интернационалистским и русоцентристским полюсами, между революцией и реставрацией является дополнительным аспектом сталинской логики.

Сталин хотел свести воедино историю России и историю революции, а свое собственное руководство представить как вершину обеих исторических линий развития. Характерный для марксизма исторический детерминизм получил в сталинизме особенно яркое выражение. Теперь русский пролетариат даровал человечеству столь долго ожидаемого спасителя (несмотря на свое грузинское происхождение Stalin почти полностью идентифицировал себя с Россией). История человечества достигла теперь высшей стадии развития. Исследование этой исторической закономерности являло собой по сути главную установку почти всех, если не вообще всех научных направлений сталинской эпохи. Задачей всех представителей искусства было изображение этого небесного рая на земле. Этот «научный» и «художественный» канон был строго регламентирован и имел свою собственную логику – «логику» сталинизма.